

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭПОХИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА «СОЮЗ РЫЖИХ» Н. К. ЧУКОВСКИМ

В статье рассматриваются социолингвистические аспекты перевода детективного рассказа А. Конан Дойла «The Red-Headed League» Н. К. Чуковским в контексте советской эпохи 1940-х гг. С использованием историко-литературного, сравнительно-типологического и структурного методов исследования осуществляется анализ переводческой интерпретации основных художественных образов, а также передачи сюжетной линии с учетом таких актуальных тенденций в литературе, как нейтрализация стиля, норматизация и массовизация литературы, которые, несомненно, отразились на переводе английского детективного рассказа. Целью исследования является изучение особенностей перевода рассказа «Союз рыжих» Конан Дойла Н. К. Чуковским, обусловленных спецификой литературного процесса. Материалом исследования выступает оригинальный текст рассказа «The Red-Headed League», а также его переводы, выполненные Н. К. Чуковским и опубликованные одновременно в двух издательствах: «Детгиз» и «Воениздат». Как показывает анализ, перевод, опубликованный в «Детгизе», значительно отличается от перевода «Воениздата» отсутствием серьезных сокращений и нередко лексическим выбором. Интересен факт одновременной публикации переводов издательствами различной направленности в период окончания Великой Отечественной войны, что объясняется высокой популярностью творчества Конан Дойла. Рассказы о Шерлоке Холмсе отвечали требованиям двух столь разных издательств: с одной стороны, они обладали «воспитательным» потенциалом для юного поколения, мотивировали к мыслительной деятельности. С другой стороны, рассказы о Шерлоке Холмсе реализовали функцию эскапизма. Несмотря на стремление переводчика правильно передать авторские решения, он, тем не менее, использовал ряд трансформаций: схематизация и упрощение образов героев, «одомашнивание» текста оригинала, акцент на исключительно негативной стороне образа преступника при нивелировании его привлекательности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: перевод; литературные тенденции; нейтрализация; массовизация; «одомашнивание» текста; художественные образы

Ц и т и р о в а н и е: *Матвеевко И. А., Миронова В. Е.* Сквозь призму эпохи: социолингвистические аспекты перевода рассказа Артура Конан Дойла «Союз рыжих» Н. К. Чуковским. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.052 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 184–197.

*Поступила в редакцию: 26.12.2019
Принята к печати: 14.07.2020*

Irina A. Matveenko
Veronika E. Mironova

National Research Tomsk Polytechnic University
Tomsk, Russia

**THROUGH THE PRISM OF THE EPOCH:
THE SOCIOLINGUISTIC ASPECTS
OF ARTHUR CONAN DOYLE'S *THE RED-HEADED LEAGUE*
AS TRANSLATED BY N. K. CHUKOVSKY**

This article analyses the sociolinguistic aspects of Arthur Conan Doyle's *The Red-Headed League* as translated by N. K. Chukovsky in the light of the Soviet epoch of the 1940s. Using the historical literary, comparative, typological, and structural methods, the authors analyse the translation interpretation of the key literary images, as well as plot rendering in terms of such literary tendencies as the neutralisation of style, normatisation and massification of literature, and russification of a foreign text in order to adapt it for Russian readers. The aim of the research is the study of the translation peculiarities of *The Red-Headed League* in terms of the specific nature of the literary process. The authors refer to the original text of *The Red-Headed League*, as well as its translations carried out by N. K. Chukovsky and published by two different publishing houses *Detgiz* and *Voenizdat*. The analysis demonstrates that the translation from *Detgiz* differs from that of *Voenizdat* as there are no omissions, while the choice of vocabulary is also different. Special attention is paid to simultaneous publications of the story at the end of the Great Patriotic War. Stories about Sherlock Holmes met the requirements of both albeit different publishing houses: they had an educational potential and encouraged mental activity in the young generation. They also performed the function of escapism. Although the translator made attempts to render the writer's choices correctly, he made a number of transformations, i.e. he schematised and simplified the images of the characters, "domesticated" the original text and emphasised the negative qualities of the criminal's image while leveling their attractiveness.

Key words: translation; tendencies in literature; neutralisation; massification; "domestication" of text; artistic images

For citation: Matveenko, I. A., & Mironova, V. E. (2020). Skvoz' prizmu epokhi: sotsiolingvisticheskie aspekty perevoda rasskaza Artura Konan Dojla "Soiuz Ryzhikh" N. K. Chukovskim [Through the Prism of the Epoch: The Sociolinguistic Aspects of Arthur Conan Doyle's *The Red-Headed League* as Translated by N. K. Chukovsky]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 184–197. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.052

Submitted: 26.12.2019

Accepted: 14.07.2020

Русский читатель знакомится с детективными рассказами Артура Конан Дойла еще в конце XIX — начале XX в., когда появляется множество переводов в различных литературно-художественных журналах и авторских сборниках.

Однако практически все переводы были выполнены анонимно и не отличались высоким качеством, что было характерно для данного периода. Н. К. Чуковский является первым профессиональным переводчиком, имя которого широко известно как в литературных кругах, так и в читательской среде. Принято считать, что на развитие творческого потенциала Н. К. Чуковского существенное влияние оказал широкий диапазон литературной деятельности его отца — К. И. Чуковского. Как известно, Чуковский-старший обладал обширными знаниями и профессиональным опытом в самых различных областях культуры и литературы. Именно К. И. Чуковский занимался редактированием переводов своего сына, в частности, перевода рассказа «Союз рыжих».

Замысел перевода появился у К. И. Чуковского в 1940 г., о чем свидетельствует его переписка с сыном от 31 мая 1940 г.: «Конан Дойл за тобой! Выбери лучшие его рассказы: “Союз рыжих”, “Пеструю ленту”, и приехав в Москву, подпиши у Куклиса договор» [Чуковский, с. 558]. В этом же году было подписано соглашение с представителем редакции «Детгиза» Г. С. Куклисом о переводе рассказов Конан Дойла. На то, что работа над переводами началась в 1940 г., указывают следующие строки из письма К. И. Чуковского Н. К. Чуковскому от 8 октября 1940 г.: «Насчет “Шерлока” не беспокойся, пожалуйста. Хотя в “Правде” кто-то высказался против “Шерлока”, но это не поколебало Куклиса — он просит дать переводы возможно скорее. Только, пожалуйста, будь внимателен при переводе» [Там же, с. 564]. Отдельные фразы из писем отца к сыну в декабре 1940 г. показывают, что процесс перевода уже начался и проходил редактирование («Шерлока правлю», «Редактирую Конан Дойла») [Там же, с. 568].

В первой половине 1941 г. процесс перевода был в самом разгаре, и К. И. Чуковский принимал активное участие в редактировании текста, критикуя сына за неточности в передаче художественных особенностей детективных рассказов: «Ты знаешь, как люблю я твои переводы стихов. Именно потому, что ты так силен, мне больно видеть твою нарочитую слабость. В “Союзе рыжих” есть фразы, которых ты не написал бы, если бы хоть на минуту взгляделся в текст» [Там же, с. 579–580]. Очевидно, что К. И. Чуковский достаточно высоко оценивал переводческое мастерство своего сына, однако находил в его переводах немало ошибок.

В связи с начавшейся Великой Отечественной войной и участием Н. К. Чуковского в военных действиях работа над переводом рассказа Конан Дойла затянулась, и он вышел в свет только в 1946 г. в авторском сборнике Библиотечки журнала «Красноармеец» «Шесть Наполеонов». Выпуск сборника № 20 (45) содержал перевод рассказа со значительными сокращениями. Годом ранее был опубликован другой перевод рассказа «Союз рыжих» в авторском одноименном сборнике издательства «Детгиз». Его тираж составлял 45 000 экземпляров.

Цель данной статьи — проанализировать перевод детективного рассказа Конан Дойла «Союз рыжих» Н. К. Чуковским в контексте литературных и общественных процессов, происходивших в Советской России 1940-х гг. и выявить их влияние на переводческие стратегии Чуковского-младшего.

Подчеркнем, что переводы детективных рассказов Конан Дойла были опубликованы одновременно в двух издательствах, редакции которых ставили разные цели и выпускали художественные произведения, существенно отличавшиеся по тематике. При этом издательства познакомили советского читателя с разными версиями переводов одного и того же рассказа Конан Дойла. В связи с этим целесообразно рассмотреть политику издательств в отношении публикуемой в этот период продукции.

В начале 1930-х гг. в рамках организации и перестройки советского книгоиздания основной задачей стало формирование крупного издательства детской литературы высокого художественного и идейного содержания. Основная цель «Детгиза» заключалась в «создании книг, которые, соединяя увлекательность и доступность изложения с принципиальной выдержанностью и высоким идейным уровнем, прививали бы детям интерес к борьбе и строительству рабочего класса и партии» [О партийной и советской печати, с. 437]. Особое внимание издательство «Детгиз» уделяло реализации воспитательной функции, включая отечественные и зарубежные произведения несомненной культурно-эстетической ценности. В 1930-е гг. среди изданий детской литературы преобладали книги, посвященные событиям революции, гражданской войны, классовой борьбы, произведения о В. И. Ленине. «Нездоровое приключенчество» осуждалось как попытка ухода от социальных тем. Тем более примечательно, что в этом контексте были переведены и опубликованы детективные рассказы Конан Дойла.

Второе издательство, благодаря которому русский читатель познакомился с рассказами Конан Дойла в переводах Н. К. Чуковского, «Воениздат», осуществляло выпуск разнообразной, но прежде всего военной литературы. При этом издательство оставляло место для приключенческой и развлекательной литературы, реализующей функцию эскапизма — отвлечения читателей от суровой действительности и многочисленных проблем. Современный исследователь Дж. Г. Кавелти считает эту функцию неотъемлемой функцией массовой литературы: «Хотя эти произведения изобилуют стереотипными характерами, неприятными ситуациями, устаревшими темами и ценностями, они представляют интерес для последующих поколений, поскольку воссоздаваемый в них мир столь целен и интересен сам по себе, что и сейчас еще можно погрузиться в него и достаточно успешно идентифицироваться с его героями в эскапистских целях» [Кавелти, с. 47]. Детективные рассказы Конан Дойла с их остротой сюжета, налаженностью быта, следованием традициям, верой в справедливость и прогресс были весьма востребованы в сложившихся исторических условиях.

Перевод Н. К. Чуковского «Союза рыжих», как и переводы других рассказов Конан Дойла, по сей день является каноническим и включен в авторские сборники английского писателя за 2018–2019 гг. Важно отметить, что канонизация перевода зависит не только от положительных оценок, но и от «читательских конвенций, от господствующей нормативной сформулированной поэтики. Канонический перевод может существенно изменить описание переводческой

традиции <...> В теоретическом плане канонический перевод как модельный фиксирует основные требования к переводу подобного произведения и приобретает на фоне традиции статус сформулированной нормативной имманентной поэтики. Из этого вытекает, что канонизация становится канонизацией принципов перевода» [Тороп, с. 52].

Переводы рассказа «Союз рыжих», выполненные Н. К. Чуковским, отражают основные принципы не только художественного перевода, но и литературные нормы, утвержденные в советский период, поскольку, по словам П. Х. Торопа, «сам перевод непосредственно участвует в литературной эволюции <...>. Если в это время господствует какая-нибудь сформулированная нормативная поэтика, то перевод скорее всего подчиняется этой поэтике, так как форма воспроизведения связана с эстетической оценкой вне зависимости от особенностей оригинала» [Там же, с. 54].

Как известно, в советском обществе 1930–1940-х гг. роль литературы постепенно модифицировалась, а вместе с ней и значение художественного перевода, выступавших мощным оружием советской власти в связи с возможностью их идеологизации. Как указывает М. М. Голубков, именно в 1930-е гг. на фоне сформированной эстетики соцреализма в литературе складывается нейтральный стиль, единственно допустимый, преобразованный в дальнейшем в стиль авторитарный [Голубков, 2001, с. 252]. Новая идеология диктует свои непреложные требования не только к содержанию, но и к стилю художественного произведения.

Насаждение нейтрального стиля в литературе совпало с волной массовизации советской культуры, начавшейся еще в 1920-е гг. В качестве новой читательской аудитории, по мнению М. М. Голубкова, выступали малообразованные люди, желающие приобщиться к культуре. Именно эти люди являлись слушателями студий Пролеткульта, который изначально мог приобщить их к грамотности и сформировать их элементарные эстетические навыки. При этом в статье «Между грядущим хамом и властью: типы творческого поведения и формы литературного быта 1920–1930-х годов» исследователь утверждает, что «одновременно с этим позитивным началом новая читательская аудитория под воздействием официальной пропаганды и вульгарно-социологических концепций Пролеткульта, а затем и РАПП, прочно усвоила свое право на требование исключительно новой культуры и литературы, ибо дореволюционная литература была пронизана идеологией иных, враждебных, классов» [Голубков, 2015, с. 50].

В сфере книгоиздания главной целью ставилось решение пропагандистских задач партии и удовлетворение потребности в утилитарно-практических знаниях. Такой подход отразился в постановлении ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г. «Об обслуживании книгой массового читателя». Книга воспринималась как «орудие организации масс и коммунистического просвещения» [Об обслуживании книгой массового читателя, с. 533]. Так, становился очевидным групповой подход к читательскому спросу, что подводило печатные издания

под определенный шаблон. «Тип книги, ее содержание, язык должны отвечать специальному назначению ее, уровню и потребностям той группы читателей, для которых она предназначена» [Об издательской работе].

Эти процессы не могли не отразиться как на литературном творчестве Н. К. Чуковского, так и на передаче художественных особенностей детективных рассказов Конан Дойла, опубликованных в издательствах, реализовавших строгую прагматику переводов, связанную с разными государственными заказами советского периода.

Обращаясь к рассказу «Союз рыжих» и его переводам, важно отметить увлекательность сюжетной линии, мастерски продуманной Конан Дойлом. В рассказе повествуется о необычном деле загадочного союза рыжих, членом которого являлся Джабез Уилсон, клиент Шерлока Холмса. Великий сыщик раскрывает попытку грабежа банка, предпринятую помощником Джабеза, оказавшимся известным преступником, организовавшим союз рыжих. В отсутствие Джабеза, выполняющего задание союза, преступники вырыли в его доме подкоп к хранилищу банка. Таким образом, Шерлок Холмс раскрыл еще одно сложное дело и предотвратил серьезное преступление.

В переводе рассказа Н. К. Чуковским особого внимания заслуживает передача образов героев рассказа Конан Дойла как наиболее репрезентативных с точки зрения реализации в них избранных переводческих стратегий. Прежде всего, необходимо обратиться к образу Шерлока Холмса. Н. К. Чуковский, как и его отец, признавал значимость образа Шерлока Холмса для читательской аудитории, в особенности юного поколения, поскольку сыщик обладал множеством положительных качеств, отсутствующих в других героях детективной литературы. 1940-е гг. — время осуществления и публикации перевода — приходится на период, когда, по мнению Е. Б. Скороспеловой, в литературе господствовал «строитель новой жизни, преодолевающий любые препятствия и происки врагов, несущий людям благо (мотив прометеява огня), будь то коллективизация деревни, освоение новых пространств или установление трудовых рекордов, герой — наиболее яркая фигура советской мифологии» [Скороспелова, с. 302]. Несомненно, что на фоне такого героя образ Шерлока Холмса привлекал читателей своей неординарностью и диалектичностью.

Помимо известных характеристик, присущих Шерлоку Холмсу как главному персонажу детективных рассказов Конан Дойла (дедуктивное мышление, логика расследования, интуиция), в рассказе «Союз рыжих» для его образа характерны способность наслаждаться прекрасным, погружаясь в свой внутренний мир, он изображен как эстет, понимающий классическую музыку, равнодушный к понятию «красота». В частности, Конан Дойл описывает наслаждение Шерлока Холмса музыкой следующим образом:

My friend *was an enthusiastic musician*, being himself not *only a very capable performer* but *a composer of no ordinary merit*. All the afternoon he sat in the stalls wrapped in *the most perfect happiness*, *gently* waving his long, thin fingers in time to the music while his *gently*

smiling face and has languid, dreamy eyes were as unlike those of a Holmes, *the sleuth-hound, Holmes the relentless, keen-witted, ready-handed criminal agent*, as it was possible to conceive¹ [Conan Doyle, p. 41–42].

Перевод для издательства «Детгиз»:

Мой друг *страстно увлекался музыкой*; он был не только *очень способный исполнитель*, но и *незаурядный композитор*. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, *слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке*; его *мягко улыбающееся лицо*, его *влажные затуманенные глаза* ничем не напоминали о *Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов* [Конан-Дойл, 1945, с. 25–26].

Перевод для «Воениздата»:

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке [Конан-Дойл, 1946, с. 19].

В оригинале Шерлок Холмс представлен как меломан, настоящий ценитель искусства. Для реализации этого образа Конан Дойл использует разные приемы: оценка творческой природы Холмса, представленная Ватсоном, описание внешности, мимики и жестов, а также противопоставление Холмса, проводящего время в театре, Холмсу-сыщику и преследователю преступников. Автор делает акцент на сложной человеческой природе главного героя, многоуровневости его сознания, что также не было свойственно большинству героев советской литературы военного периода.

В переводе Н. К. Чуковского, опубликованном в издательстве «Детгиз», показательна своеобразная интерпретация образа героя: несмотря на тот факт, что переводчик обратил внимание на большинство описательных характеристик великого сыщика, русский Шерлок Холмс значительно отличается от оригинала. Так, любовь Шерлока Холмса к искусству, восприятие музыки и даже внешний вид в меньшей степени экспрессивны. Желая изобразить тонкого и чувствительного ценителя искусства, Конан Дойл описывает его состояние как *“wrapped in the most perfect happiness”* («*окутанного самым совершенным счастьем*»). В интерпретации Н. К. Чуковского Шерлок Холмс изображен лаконично как «*вполне счастливый*». Конан Дойл описывает чувства Холмса, скрытые под маской рассудочности и логики: *“languid, dreamy eyes”* («*томные*

¹ Здесь и далее перевод В. Е. Мироновой: «Мой друг был увлеченным музыкантом, будучи сам не только очень способным исполнителем, но и композитором незаурядного качества. Весь день он сидел в партере, окутанный самым идеальным счастьем, плавно помахивая своими длинными тонкими пальцами в такт музыке, в то время как его мягко улыбающееся лицо и его томные мечтательные глаза были настолько непохожи на лицо и глаза Холмса, ищейки, Холмса безжалостного, сообразительного, готового преследователя бандитов, насколько было возможным подумать».

мечтательные глаза»), демонстрируя отрешенность героя, его погружение в себя и восприятие музыки. Н. К. Чуковский и здесь по-своему интерпретировал образ героя, используя в описании «влажные затуманенные глаза». Не менее важной деталью перевода является и упрощенное описание театра как органичного места существования героя: если в оригинале Холмс «сидел в партере» — “in the stalls”, в переводе сыщик «просидел в кресле».

Несмотря на привнесенные различия образа Шерлока Холмса в переводных текстах, Н. К. Чуковский сохраняет контрастные характеристики героя: Холмса-меломана и Холмса-ищейки, опасного преследователя несправедливости, свидетельствующие о диалектичности персонажа, его способности проявлять различные черты характера, нередко взаимоисключающие.

Перевод, опубликованный в Библиотечке журнала «Красноармеец», характеризуется значительными сокращениями, в частности полностью отсутствует контрастное описание Шерлока Холмса, сохранена лишь фактическая информация о местонахождении Шерлока Холмса и его досуге. Такое игнорирование важных характеристик двойственности существенно обедняет образ великого сыщика, в значительной степени схематизирует его и лишает диалектичности, многогранности.

Кроме того, в рассказе «Союз рыжих» Шерлок Холмс приводит цитаты на латинском языке, что является важным подтверждением его высоких интеллектуальных способностей. Так, великий сыщик в разговоре с Ватсоном утверждает: “*Omne ignotum pro magnifico*”, что в переводе Н. К. Чуковского для «Детгиза» передано как «*Всё неизвестное кажется нам превосходным*», в то время как в переводе для издательства «Воениздат» эта деталь опущена, что в значительной степени обедняет образ главного героя.

Другим, не менее значимым персонажем в рассказе «Союз рыжих» является доктор Ватсон. Анализируя функциональную значимость компаньона Холмса в повествовании, важно отметить, что, помимо функции нарратора, Ватсон играет другую важную для повествования роль, которая, по мнению Ю. О. Юрасовой, состоит в том, чтобы «оттенять, служить своеобразным фоном, неброским, неярким полотном, на котором гений “сверхчеловека” Шерлока Холмса сияет еще ярче. В соответствии с замыслом автора задача Ватсона, помимо описания расследований своего друга, — удивляться, быть наивным и простым, иногда даже глуповатым, словом, олицетворять английского читателя» [Юрасова, с. 105]. Герой пытается следовать примеру сыщика в применении дедуктивного метода, однако всегда терпит полную неудачу.

В рассказе «Союз рыжих» эта функция реализована в полной мере, в частности, когда Ватсон рассуждает об ограниченности собственных способностей, сравнивая себя с Шерлоком Холмсом:

I trust that I am not more dense than my neighbors, but I was always oppressed with a sense of stupidity in my dealings with Sherlock Holmes. Here I had heard what he had heard, I had seen what he had seen, and yet from his words it was evident that

he saw clearly not only what had happened but what was about to happen, while to me the whole business was still confused and grotesque² [Conan Doyle, p. 42–43].

Перевод для издательства «Детгиз»:

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он, однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью [Конан-Дойл, 1945, с. 26–27].

В переводе для издательства «Воениздат» данный фрагмент отсутствует.

В представленном фрагменте показан самоанализ героя, ощущение превосходства Шерлока Холмса над его мыслительными способностями и, соответственно, неудовлетворенность собственными интеллектуальными возможностями. Для самоанализа, основанного на оппозиции «мышление Ватсона — дедуктивный метод Холмса», нарратор использует глаголы чувственного восприятия «слышать» и «видеть» по отношению к обоим героям: «я слышал — он слышал», «я видел — он видел», противопоставляя Холмса и Ватсона. Н. К. Чуковский отнесся к интерпретации фрагмента с предельным вниманием, сохранив авторское противопоставление. При этом переводчик несколько изменяет образ Ватсона, огрубляя его и передавая качество *stupidity* («глупость») как *тупость*, что делает оппозицию Ватсон — Холмс более контрастной.

Этот пример не единственный в русском переводе рассказа «Союз рыжих». В другом фрагменте также проявляются признаки трансформации образа за счет передачи речевых особенностей Ватсона: «what on Earth does this mean?» [Conan Doyle, p. 29] транслируется в обоих переводах как «Что это, чорт побери, может означать?» [Конан-Дойл, 1945, с. 14; 1946, с. 2]. Интересно, что речь Ватсона в интерпретации Н. К. Чуковского нередко приближена к отечественным реалиям разговорного русского языка, что может свидетельствовать о стремлении переводчика адаптировать произведение для восприятия русским читателем и при этом нивелировать аристократизм образа, столь чуждый русской аудитории 1940-х гг.

Не меньший интерес представляет передача образа отрицательного персонажа — Джона Клея:

John Clay, *the murderer, thief, smasher, and forger*. He's a young man <...>, but he is *at the head of his profession*, and I would rather have my bracelets on him than on any criminal in London. He's *a remarkable man*, is young John Clay. His grandfather was a royal duke, and he himself has been at Eton and Oxford. *His brain is as cunning as his fingers*, and though we meet signs of him at every turn, we never know where to find the man

² «Я полагаю, что я не глупее, чем мои соседи, но я всегда был угнетен ощущением глупости в моих делах с Шерлоком Холмсом. Здесь я слышал то, что он слышал, я видел то, что он видел, и тем не менее из его слов стало очевидно, что он видел ясно не только то, что произошло, но собиралось произойти, в то время как для меня целое дело было все еще запутанным и нелепым».

himself. He'll crack a crib in Scotland one week, and be raising money to build an orphanage in Cornwall the next. I've been on his track for years and have never set eyes on him yet³ [Conan Doyle, p. 44].

Перевод для издательства «Детгиз»:

Джон Клей, *убийца, вор, взломщик и аферист*, — сказал Джонс. — Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но он *искуснейший вор в стране*: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. *Он замечательный человек*, этот юный Джон Клей. Его дед был герцог, а сам он учился в Итоне и в Оксфорде. *Мозг его так же изощрен, как его пальцы*, и хотя мы на каждом шагу натываемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнваллисе. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видал [Конан-Дойл, 1945, с. 28].

Перевод для «Воениздата»:

Джон Клей — *убийца, вор, взломщик и аферист*. Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но он *искуснейший вор в стране*; ни на кого другого я не надел бы своих наручников с такой охотой, как на него. *Он замечательный человек*, этот юный Джон Клей. Его дед был герцог, а сам он окончил Оксфордский университет. *Мозг его так же изощрен, как его пальцы*, и, хотя мы на каждом шагу натываемся на его следы, он до сих пор не пойман. Я гоняюсь за ним уже несколько лет и ни разу его не видел [Конан-Дойл, 1946, с. 21].

Автор детально описывает многогранную преступную личность Джона Клея, способного на различные злодеяния, отличающегося изощренностью и ловкостью. Сам герой происходит из знатного рода, получил элитное образование в ведущих учебных заведениях Англии, которое предоставило бы ему возможность реализовать свои способности и интеллектуальный потенциал вне криминальной сферы. Этот факт свидетельствует об осознанно избранном жизненном пути героя, связавшего себя с преступным миром не только ради материального обогащения (он способен строить приюты для сирот), но и из-за склонности к человеческим порокам и уголовным приключениям. Безусловно, этот авантюрист не уступает Шерлоку Холмсу в интеллектуальной одаренности, неслучайно в характеристике прослеживается восхищение полицейского Джонса преступной деятельностью героя.

В переводе Н. К. Чуковского для сборника издательства «Детгиз» образ преступника детально транслирован, переданы как факты его биографии, так

³ «Джон Клей, убийца, вор, мошенник и фальшивомонетчик. Он молодой человек <...>, но он лучший в своей профессии, и я бы лучше надел на него наручники, чем на любого другого преступника в Лондоне. Он удивительный человек, этот Джон Клей. Его дед был королевским герцогом, а он сам учился в Итоне и Оксфорде. Его мозг изощрен, как его пальцы, и хотя мы встречаем его следы на каждом углу, мы никогда не знаем, где этот человек найдется. Он совершит кражу в Шотландии на одной неделе и собирает деньги чтобы построить сиротский приют в Корнуолле на следующей. Я иду по его следу много лет и никогда не видел его».

и личные характеристики. Переводчик стремится следовать авторским решениям, как правило, не опуская какие-либо описательные средства с целью донести до читателя наиболее полный образ отрицательного героя, порой расставляя свои акценты. Так, фраза “*at the head of his profession*” была переведена как «*искуснейший вор*» — переводчик использует превосходную степень прилагательного «искусней», переведя мастерство Клея из профессии в искусство. Более того, если в оригинале говорится о профессиональном преступнике Лондона, то в переводе он становится «*искуснейшим вором в стране*». Если в оригинале Конан Дойл использует относительно нейтральную лексику, описывая преследования Джона Клея, то в русском переводе выбранные эквиваленты становятся стилистически окрашенными: “*meet signs of him*” («*встречали его следы*») — «*натываемся на его следы*», “*we never know where to find the man himself*” («*мы никогда не знаем, где этот человек найдется*») — «*остается неуловимым*», “*have never set eyes*” («*никогда не останавливал взгляд*») — «*еще ни разу не видал*». Переводчик зачастую останавливает выбор на просторечной лексике, более понятной русскому читателю, и нейтрализует стиль Конан Дойла.

Второй перевод издательства «Воениздат» опубликован с сокращениями, в нем отсутствует упоминание об Итоне, опущены развернутые рассуждения о герое и его преступлениях. В тексте сохранена основная информация о герое, позволяющая читателям составить общее впечатление об образе преступника. В целом перевод «Библиотечки красноармейца» был ориентирован на массового читателя, который, по словам Н. Н. Акимовой, не обладал «высокой эстетической культурой, представитель такой аудитории воспринимает сюжет на уровне обычного сознания, сводя произведение искусства к своему житейскому опыту, поэтому ему особенно оказываются близки такие произведения, где фабула стремится слиться с сюжетом, по крайней мере, зазор между ними минимален, и где новое всегда легко идентифицируется, опознается как свое» [Акимова, с. 14]. Соответственно внимание Н. К. Чуковского к трансляции образа отрицательного персонажа связано со значимой ролью преступника в интеллектуальной дуэли с великим сыщиком, а также в создании атмосферы саспенс в художественном произведении, формировании приключенческой линии.

В целом на передаче образа отрицательного героя в переводе отразились процессы, происходившие в стране и литературе периода 1930–1940-х гг. Нейтрализация стиля проявилась в некотором упрощении образа, сглаживании готических черт персонажа-преступника, «темной» привлекательности, присущей многим антагонистам английской литературы. Очевидна также тенденция использования беллетризов и просторечной лексики, что привносило определенный диссонанс в образ антигероя, однако адаптировало его для широкой массовой аудитории. Несомненным является и стремление переводчика акцентировать внимание на отрицательных характеристиках персонажей и, в некоторой степени, представить образ «классового» врага. Такой подход служил идеологическому воспитанию и подрастающего поколения, и военнослужащих, для которых предназначались переводы.

Перечисленные тенденции находились в русле развития переводческой мысли советского периода. Именно в это время отмечалась тенденция перехода к «одноголосию, утверждению единой эстетической системы, единого приемлемого стиля» [Азов, с. 59]. Такая тенденция постепенно нарастала в 1930-е гг. и достигла своего пика в 1950-е гг., когда «утверждалась установка на простой, общедоступный, нейтральный — правильный — язык, которого должны были придерживаться как оригинальные писатели, так и переводчики. Простота, понятность и привычность языка закладывалась в переводческий метод» [Там же, с. 60].

Как показывает анализ, перевод рассказа «Союз рыжих», осуществленный для издательства «Детгиз», значительно отличается от перевода из Библиотеки журнала «Красноармеец» не только отсутствием серьезных сокращений, но и выбором лексики. В целом в переводе Н. К. Чуковского, опубликованного издательством «Детгиз», найден баланс между передачей своеобразия викторианского повествования и реализацией просветительского потенциала иноязычного произведения. Переводы произведений, опубликованные в «Детгизе», должны были отражать и увлекательность сюжета, поскольку издательство ориентировалось прежде всего на детскую читательскую аудиторию, в которой необходимо пробудить интерес к чтению. Для реализации такой воспитательной цели переводчику следует обладать определенным внутренним чутьем, которое, несомненно, было присуще Н. К. Чуковскому, интерпретировавшему рассказ о Шерлоке Холмсе таким образом, чтобы увлечь юные читательские круги. Кроме того, в переводе «Детгиза» Н. К. Чуковский вводит лингвострановедческие комментарии, подтверждающие просветительскую направленность работы издательства и выполненного перевода. Подобный подход, безусловно, является существенным достоинством перевода, поскольку благодаря этим комментариям читатель знакомится с такими понятиями, как «франкмасоны», «дуга и окружность» (запонка Джабеза Уилсона) и т. д.

В то же время перевод для издательства «Воениздат» демонстрирует проявление жесткой прагматики, целью которой является создание облегченной версии оригинала для достижения эффекта эскапизма, а также идеологического воспитания читателя. Несмотря на стремление переводчика следовать авторской интенции, система образов рассказа «Союз рыжих» в переводах Н. К. Чуковского была передана с определенными трансформациями, такими как схематизация основных образов произведения, а также повышенная экспрессия в передаче отрицательных образов с нивелированием их привлекательной стороны. Безусловно, такие трансформации обусловлены не только литературно-историческим контекстом, но и спецификой восприятия переводчиком иноязычного произведения. Таким образом, при жестких требованиях, предъявляемых к литературе в советский период, функционирование детективного жанра оказалось ограниченным «рамками партикулярной литературной группы» и смещенным «в иные — репродуктивные или чисто рецептивные — среды. Такой консервации могло служить превращение в “школьную” классику, перелицовка в лубочную или торговую словесность, выпуск образца после его популярных переработок

и т. п.» [Дубин, с. 17]. Эти тенденции, описанные Б. В. Дубиным, отчетливо проявились в процессе перевода детективного рассказа А. Конан Дойла «Союз рыжих».

Источники

Конан-Дойл А. Союз рыжих и другие рассказы / пер. М. и Н. Чуковских; под общ. ред. Корнея Чуковского. М.: Л.: изд. и ф-ка дет. книги Детгиза, 1945.

Конан-Дойл А. Шесть Наполеонов: Рассказы. М.: Воен. изд-во, 1946. (Библиотечка журнала «Красноармеец»).

Об издательской работе по докладу ОГИЗ'а. Постановление ЦК ВКП(б) от 15.VIII.1931 г. М.: ОГИЗ-Московский рабочий; Л.: ОГИЗ-Московский рабочий. Приложение № 7 к п. 26 пр. ПБ № 56.

Об обслуживании книгой массового читателя (Постановление ЦК ВКП(б) 28/XII 1928 г.) // Известия ЦК ВКП(б). № 2–3. 31/I 1929 г. О культурном строительстве. М.: Работник просвещения, 1930. С. 533–535.

О партийной и советской печати: сборник документов. М.: Правда, 1954.

Чуковский Н. К. О том, что видел. Воспоминания. Письма. М.: Молодая гвардия, 2005.

Conan Doyle A. The Red-Headed League // *Conan Doyle A.* The Adventures of Sherlock Holmes. London: Harper Publishers. Collins Classics, 2013. P. 26–51.

Исследования

Азов А. Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

Акимова Н. Н. Булгарин и Гоголь: массовое и элитарное: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 1996.

Голубков М. М. О литературе социалистического реализма // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс): сб. ст. / [редкол.: А. А. Ревякина (отв. ред. и сост.) и др.]. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 245–262.

Голубков М. М. Между грядущим хаомом и властью: типы творческого поведения и формы литературного быта 1920–1930-х годов // Эпоха «Великого перелома» в истории культуры: сб. науч. ст. / под ред. И. Ю. Иванюшиной, И. А. Тарасовой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 44–57.

Дубин Б. В. Литературный текст и социальный контекст. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.

Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М.: ТЕИС, 2003.

Торон П. Х. Тотальный перевод. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1995.

Юрасова Ю. О. Функциональная роль авторской маски в цикле рассказов А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе // Филологические науки. 2009. Вып. 47. С. 104–108.

References

Akimova, N. N. (1996). *Bulgarin i Gogol': massovoe i elitarnoe* [Bulgarin and Gogol: The Popular and the Elite] (doctoral dissertation abstract). St Petersburg.

Azov, A. G. (2013). *Poverzhennyye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Fallen Textualists: From the History of Literary Translation in the USSR in the 1920s–1960s]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.

Cawelty, Jh. G. (1996). Izuchenie literaturnykh formul [The Study of Literary Formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 22, 33–64.

Dubin, B. V. (2001). *Literaturnyj tekst i sotsial'nyj kontekst. Slovo – pis'mo – literatura: Oчерki po sotsiologii sovremennoj kul'tury* [Literary Text and Social Context. Word – Writing – Literature: Essays on the Sociology of Modern Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Golubkov, M. M. (2001). O literature sotsialisticheskogo realizma [About the Literature of Social Realism]. In A. A. Revyakina (Ed.), *Nauka o literature v XX veke: (Istorii, metodologii, literaturnyj protsess)* [Scholarship about Literature in the 20th Century: (History, Methodology, Literary Process)] (pp. 245–262). Moscow: The Institute of Scientific Information in Social Sciences RAS Press.

Golubkov, M. M. (2015). Mezhdru griadushchim hamom i vlast'iu: tipy tvorcheskogo povedeniia i formy literaturnogo byta 1920–1930-kh godov [Between the Forthcoming Boor and the Authorities: Types of Creative Behaviour and Forms of Literary Life in the 1920s–1930s]. In I. Yu. Ivanyushina, & I. A. Tarasova (Eds.), *Epokha “Velikogo pereloma” v istorii kul'tury: sbornik nauchnykh statej* [The Epoch of the “Great Breakthrough” in the History of Culture] (pp. 44–75). Saratov: Saratov University Press.

Skorospelova, E. B. (2003). *Russkaia proza XX veka: ot A. Belogo (“Peterburg”) do B. Pasternaka (“Doktor Zhivago”)* [The Russian Prose of the 20th Century: from A. Bely (*Petersburg*) to B. Pasternak (*Doctor Zhivago*)]. Moscow: TEIS.

Torop, P. H. (1995). *Total'nyj perevod* [Total Translation]. Tartu: Tartu University Press.

Yurasova, Yu. O. (2009). Funktsional'naia rol' avtorskoj maski v tsikle rasskazov A. Konan Dojla o Sherloke Holmse [The Functional Role of the Author's Mask in the Cycle of Stories about Sherlock Holmes by A. Conan Doyle]. *Filologicheskie nauki*, 47, 104–108.

Матвеевко Ирина Алексеевна

доктор филологических наук, доцент
отделения иностранных языков
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
634050, Томск, пр. Ленина, 30
E-mail: Mia2046@yandex.ru

Matveenko, Irina Alexeevna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Foreign Languages Department
National Research Tomsk Polytechnic
University
30, Lenin Str., 634050 Tomsk, Russia
Email: Mia2046@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0311-3011
Scopus AuthorID: 55586875400

Миронова Вероника Евгеньевна

старший преподаватель отделения
иностранных языков
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
634050, Томск, пр. Ленина, 30
E-mail: Veronicka84@yandex.ru

Mironova, Veronika Evgenyevna

Senior Lecturer
Foreign Languages Department
National Research Tomsk Polytechnic
University
30, Lenin Str., 634050 Tomsk, Russia
Email: Veronicka84@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7157-2717
ResearcherID: D-2165-2017